Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мотель Бейтсов

Павел.
Февраль 2014 года.
Ну посмотрим, куда это мама меня затащила. На её Родину. Прямо в самый эпицентр — деревню Гнездо, в самой глуши России. Трое суток в пути, и мы прекратили драпать — спрятались за Уралом. Аж из-под самого Киева. Где у моей тридцативосьмилетней мамы был небольшой бизнес — мотель на десять номеров. Всё быстро распродала, сели в Ниссан Экстрейл, погрузив в него шмотки и еле успели пересечь границу, до того, как новая Влада начала шманать таких, как мы с мамой.
— Вот в этом доме я жила до поступления в Пермский универ. — Пухленький объект моих эротических фантазий выйдя из авто потянулась, расправляя косточки. Я тащусь от этой её привычки — левая рука на затылке, правая слегка верх и назад, как будто ждёт кого бы обнять, и обхватив правой рукой, притянуть к мягкости грудей, которые небольшие по размеру, подаются вперёд, приобретают более выраженные очертания. — Ни из одной трубы дым не валит. Скорее всего все умерли. Пойдём, сынок, заселяться.
— Нет, вон из третьей отсюда трубы, идёт дымок. К дому напротив, идут следы. Человеческие и собачьи.
— Жива значит тётка Полина. А напротив нашей избы дедушки твоего дом. Кто-то заходил к нему. Давай сначала разожжём свою печь, вещи разгрузим. А потом проведаем их.
Работалось споро — проснулись мамины знания и опыт. В отсутствии логистики её не упрекнёшь — практически ни одного невыверенного движения без поставленной цели. Часа через полтора, мы взяли сладостей, копчёностей и по палке, чтобы отбиться от собаки, пошли к тёте Поле.
В её доме было холодно, двери плохо закрывались из-за наледи на них. Мама громко поздоровалась. Тут мы услышали слабый голос. За стенкой, на кровати, в куче одеял и старых пальто, лежала старушка.
— Тётя Поля, это я, Зинаида, племянница ваша.
Старушка расплакалась, что-то говоря сквозь всхлипы, пыталась встать. Мама помогла ей, укрыла шалью, обмотала ноги тряпьём.
Они о чём-то говорили ещё, а я пытался найти дрова, или что можно подбросить в угасающую печь. Дров не нашёл, сказал маме.
— Тёть Поль, ты сможешь дойти до моего дома... ? Паша, придётся тебе нести её к нам.
Старушка практически ничего не весила. Я донёс её в наш дом. Отогрели. Накормили. Вечером истопили баню.
Старушка рассказала, что мой дедушка лежит в своём доме, его тоже надо бы сюда. Дедушке и его псу уже не требовалось согреваться — умерли оба. Баба Поля от такого горя плакала без слёз — она и сама была крайне обезвожена, пергаментная кожа на её теле могла легко разорваться от неосторожного действия. Она рассказала где остальные родственники мамы. Многие, как мы, годами не посещали Гнезда. Она до последнего берегла дома от разора — в основном молитвами.
Тётя тоже недолго прожила — через три дня после деда Макара не проснулась. И похоронили их в одной могиле, так как копальщики, нанятые из райцентра, два дня в мёрзлой земле рыли

яму для деда.
Таким образом мы остались одни в Гнезде. По трассе, проходящей через хутор (а по-другому и не назовёшь селенье с восемью домами) транспорт двигался не так густо, как под Киевом, но и сказать, что его не было совсем, значит лгать самому себе.
— Паша, давай здесь мотель организуем. Опыт у нас есть. Практически все дома принадлежат нам, вряд ли их кто купит. Я являюсь наследницей пяти из восьми домов.
— Зиночка, — я вспомнил как она, рассказывая о своём детстве и юношестве, говорила, что взрослые так поощряли её, — ты умница. Дай я тебя награжу.
Такого она от меня не ожидала — я поцеловал её в губы. Дольше чем положено целовать сыну, крепче прижать тело к своему. Энергетика моей эмоции была такая яркая, что она не обругала и тем более не шлёпнула по заднице.
Это было с утра, а к вечеру я приболел. Явные признаки простуды, появившиеся из-за моей привычки не запахивать верхнюю одежду, когда выносил старьё из дедушкиного дома. Мама начала меня лечить. Натирания камфорным спиртом, отпаивание чаем с мёдом и вареньем из какой-то ягоды, найденным в доме тёти Поли.
Утром заболела мама.
— Видимо это грипп. — Родной голос никогда раньше (по крайней мере я не помню такого) не болевшей мамы, испугал меня, семнадцатилетнего парня. Я хоть умел делать многое, но вот эта задача показалась мне страшной. — Теперь придётся неделю отлёживаться. Тебе полегче?
— Да, мам. Уже лучше, чем вчера. Значит этим же методом будем лечить тебя.
— Придётся. Мне нужно в туалет. Помоги мне одеться...
— Ма! Там холодно. Давай ты в ведро сходи, а я потом вынесу.
Я принёс к кровати мамы оцинкованное ведро, отвернулся. Затем вынес посудину в сени, и принялся натирать мамулю. Помог снять ночнушку, натёр сначала спину. Затем взялся натирать грудь. Ладони ощутили упругость сисек, твёрдость светлых сосцов. Я усердствовал. В мечтах о продолжении, не заметил, что уже третью порцию жидкости втираю в маму.
— Паша, не балуй! — Я убрал руку, помог укрыться одеялом. — Добавь дров в печь. Принеси ещё пару охапок — вдруг потом станет холоднее, а ты ещё не совсем выздоровел.
Молодой организм легче справился с заразой — я только кашлял, а мама начала бредить во сне. Истекая пОтом, раскрывалась, мне приходилось укрывать, поить её чаем. Растирания уже проходили без моих фантазий. Я отгонял плохие мысли, старался приготовить что-нибудь вкусненького покушать.
Через два таких мрачных дня мама стала меньше кашлять, потеть. Я сменил простыни и наволочки. Ещё через день она покушала мои блюда — суп с фрикадельками и котлеты с гарниром. На следующий день мама наказала топить баню.
Расчистив дорожку от снега, я разжёг огонь в железной печи, натаскал воды из колодца. Пока баня разогревалась, очистил от снега и возле бани, к окну — тайная мысль, подглядеть в окошко как мама купается, пришла мне в голову.
Через час в помещении стояла невероятная жара — кончики ушей щипало ожогами.
— Ма, я переусердствовал. Там невозможно находиться. Может открыть дверь, пусть охладится?
— Это отлично, Паш. Отнеси туда полотенца, мёд. Свою одежду... Не смотри на меня так — мы будем вместе мыться. Натрёшь меня мёдом, похлещешь веником. Из бани я выйду

абсолютно здоровая.
Каждое её слово, после «мы будем вместе мыться...», подстёгивало мою фантазию. А она в свою очередь подстегнула мою эрекцию. Схватив наказанное, помчался в баню. Долго мастурбировать не пришлось. Не скажу, что я совсем не рукоблуд, но делаю это не часто. Вот за пол месяца пока мы живём в Гнезде, я уже пятый раз сбрасываю напряжение.
— Да, Паша, ты перестарался. — Сказала мама, войдя в предбанник. — Даже тут жарко. — С этими словами она начала раздеваться.
Валенки с повешенными на голенища носками, поставила у лавки. Старую шубу повесила на крючок рядом с моим тулупом. Сняла ночнушку, помедлив лишь миг — сняла трусы. Пройдя мимо оторопевшего меня, вошла в парную. Я тоже оголился. Мама присела на нижнюю ступеньку, растирая ожоги ладонями. Чаще обжигались соски — мама прикрывала их.
— Садись на полок рядом, разогревайся. — Мама похлопала по ступеньке. Потом начала размышлять об устройстве мотеля.
А я косил взоры, всматривался в волосы на её лобке, пытался рассмотреть начала расселины. Мама заметила моё напряжённое молчание.
— Набери в тазы воды, надо сначала помыться. Потом будем лечиться.
«Потом будем... « — похабство в моём сознании глушило «лечиться», меняло его на «трахаться». Отвернувшись от неё, скрыл эрекцию. На обратном пути, скрыл стояк тазиком. Ухмылка на мамином лице означала, что эти мои действия её забавляют. Такая мимика взбесила меня. Не скрывая срамоту, начал мыться. Постоял спиной к маме, когда она натирала меня мочалкой. Старался не коснуться эрекцией её попки (м-м-м-м), натирая спину мамочки.
— Так дело не пойдёт. Папы у тебя не было. Поэтому может ты не знаешь, что молодым парням вредно находиться в таком напряжении. Давай я тебе помогу.
Зомби, в которое превратился я, стоял в оцепенении, когда чужая ладонь окольцевала мой член. Мой эрегированный!!! Член!!! Мой, упирающийся в небосвод, фалдус!!! Мой нефритовый лингам, достойный воспевания приверженцами Камы. Нежное оголение головки, мягкие ласки яичек. Медленные, плавные фрикции, причиняющие первую усладу, озвучивались моими стонами. Я встретился взором с глазами мамы. Она старалась понять, что ощущаю я. Я пытался осмыслить её чувства.
Она ведь тоже человек, ей тоже охота подобных ласк. Там, на Украине, партнёры у неё были. И довольно много. Не с кем постоянно она не жила, не позволяла панибратства их в отношении меня.
Потом, когда я повзрослел, стал понимать, что происходит между ней и мужчинами, не устраивал ей сцен. В душе скорбел, что другим обладателям такого же органа меж ног, можно наслаждаться соитием, а мне, родному сыну, нет. И вот я стою рядом с ней, она ласкает меня ладонями, а я...
Я погладил её по волосам, провёл пальцами по лбу, носу... , губам. По ним медленно, ощущая их нежность, температуру. Рука дошла до персей. Сосок, напугавший меня необычной твёрдостью, сказал: «Заждался я, пока ты додумался поласкать меня!». Пенис мой влез со своей эмоцией — салютовал возбуждённости соска.
Мама прикрыла фонтан спермы ладошкой, дождалась полной эякуляции, сполоснула руку в тазике.
— Домываемся, ополаскиваемся. Потом выйдем попьём чай.

«Какой же нежный у тебя голос, мамочка. Любимая моя мамочка». — Моё расслабление было невероятно прелестным.
— Ну посиди, успокойся. Я понимаю твоё состояние. Неги, апатии. У вас, у мужчин, всегда так. Пять минут, и ты сможешь помыться.
Вечность! Вечно находиться в таком состоянии! Вот чего мне хотелось.
Мама наказав не подглядывать за её подмыванием, густо намылила волосы на лобке, хлюпая мягкими тканями, омыла их. Ополоснулась, облив себя из тазика водой.
— Мойся, я налью чай.
По два бокала чая с малиновым листом и вареньем, окрашивающим губы и язык в синий цвет, выпили в состоянии истомы. Моя красотуля опять фантазировала насчёт обустройства мотеля, я иногда кивал в знак согласия. Но чаще посматривал на эти губки, которые мне понравились при поцелуе.
— Пойдём в парилку. Веник уже распарился. Я научу тебя как хлестать, потом ты меня похлещешь.
Силуэт на фоне настенного светильника — полная попка на мощных бёдрах, заузилась, перейдя в нечёткую талию, к превосходным, хотя и не величавым грудям. Мама опять приняла ту, возбуждающую моё сознание позу, потянулась.
— Тебе нужно будет лежать на верхнем полке. — Я залез. Не зная, как лечь, лёг животом на доски. — Правильно. Сначала спину, чтобы привык к жару. Запоминай мои действия.
Лёгкие касания, будто ветки деревьев в тихую погоду, нагнали горячего воздуха. Я кряхтел, но терпел, запоминал действия своей возлюбленной мамочки. Кровь опять притекла к пенису, я его выправил вдоль тела.
— Переворачивайся... , прикрой его ладонью, обожжётся.
Так мне было легче смотреть на маму. На соски, на каштан треугольника, на живот без складок стекающий на лобок.
После веника настала процедура обмазывания тела мёдом. В жаре парилки, застывший мёд, расплавился, легко растекался по телу. Мама помазала мои шею, грудь, живот. Убрав мою ладонь с пениса, помазала и его. Мазала усердно (может мне показалось), потом намазала мои бёдра и ноги. Приказав перевернуться, помазала спину и низ тела. Бёдра опять мазались дольше чем спина, глубже, до передней части ног.
— Давай посидим, я остыну, на тебе мёд впитается.
— Мам, у меня пенис ломит.
— Потерпи. Чуть позже... я помогу тебе, Пашенька. — Я впервые понял, как звучит голос возбуждённой женщины.
Мягкий, с придыханием на гласных звуках, с хрипотцой на согласных, тембр моей любимой женщины пел в моём сознании. Обещал исполнить всё, что мне пожелается.
Мамочка забралась на полок, положила руки вдоль тела. Оно розовое от тепла, казалось светилось внутренней подсветкой. Мои ладони нетерпеливо чесались в предвкушения осязания покрова. А пока лишь веник, как опахало, нагнетал жар к нему, раскрашивал в более яркую красноту.
Моя родная перевернулась сама, прикрыла соски ладонями. И эта сторона тела покраснела до нужной кондиции.
Натирать мёдом я начал со лба мамулички. Лоб, щёчки, носик. Губы. Они кажется опухли. Приняли ласку пальцем, облизали мёд с них, одарили меня улыбкой. Шейка. Охота

поцеловать вот эту ложбинку между горлом и яремной веной. Ложбинку на ключице — такие завораживающие пляски тени и света, м-м-м-м. Беру ближайшую руку мамы, начинаю намазывать её, от пальчиков, ласкавших мой лингам, до плеч. Пока намазывал бицепс, пососал её палец, улыбнулся в ответ её улыбке. Принялся намазывать вторую руку, также пососал палец. Почувствовал, как мама шаловливо пощекотала мою мошонку, пару раз пальцами отсканировала лианы вен на фалдусе. Улыбнулась своей выходке — я едва не кончил.

Далее груди. Соски, вскормившие меня, встретили мои пальцы стеклоподобной твёрдостью. Я нежно обмазал груди, поцеловал сосок. Сладость. Это конечно мёд, но и ответная энергетика была не меньшей сладостью. К другому соску приложился основательно — как во младенчестве. Надолго и страстно, помогая себе руками, надавливал, будто пытался добыть лактозы.

Красотуля начала полномасштабную мастурбацию моего пениса. Даже одной рукой она справилась с моим напряжением. Я отстранился от сиськи и набрызгал сперму на её грудь и живот. При этом мама вздохнула. Разочарованно. Погладила меня по голове, когда я присел на нижний полок.

Я вспомнил о своих обязанностях. Продолжил натирать маму. Живот. Мягкая утроба, некогда выносившая меня, расслабленно поддавалась нажатию.

Бёдра. Я хотел продолжить с них, но потом переменил желание. Присел на верхний полок, положил её левую ногу на своё бедро, намазал пальчики с крашенными в алый цвет ноготочками. Всосал большой, передвинулся на икры. Затем поднял мамину ножку себе на плечо. Она не стесняясь открыла для моего взора вагину. Меня тянуло обмазать и эти пухленькие валики. Но пришедшая мысль остановила меня.

Произведя и с другой ногой аналогичные действия, помог изнежившейся мамуле перевернуться. Шея, спина и вот он, другой объект желаний. Пухленький, дрожащий от прикосновений, разделённый ложбинкой. В которую охота занырнуть пальцами, ладонью. Мама развела ноги, как только я выказал свои намерения. Развела и приподняла таз навстречу моим ласкам. Скользкий мёд, измазал звёздочку ануса, курдючки попы.

А вот и пухлые валики. Они удостаиваются большему обслуживанию. Двойной порцией мёда. А тут выглядывают и другие валики, окаймляющие влагалище. Мёд с пальцев смешивается со слизью, текущей из недр. Палец ныряет в нежность. В жар, пересиливающий жар парилки. Рядом с одним пальцем помещаются ещё три. Они мажут лоно изнутри, трутся там о складки стенок. Мама выдвинула попу навстречу хулиганам, которые уже не мажут мёдом, а таранят влагалище, она постанывает.

Какой-то шайтан нашептал мне что, большим пальцем можно ласкать анус. Это в несколько раз усилило стоны моей ненаглядной. Сквозь стон донеслось: «Глубже». Я понял, что глубже нужно ввести большой палец. Надавил на звёздочку, проник в анус. Буквально от нескольких манипуляций большим пальцем, мамочка затряслась, испугав меня своим оргазмом.

Лапулечка встала с полка, присела на нижний, положила свою голову мне на плечо. Взяв мою руку, положила её на свою грудь.

— Пашенька, вот тут погладь.

Все эти действия опять пробудили мой лингам. Мама глянула в мои глаза. Не отторгла моих губ, позволила поцеловать себя. Потом взяла меня за руку и вывела в предбанник. Усадила на лавку.

Я опять, зомбиподобный, действую, как она велит. А велит она не пугаться. Садится ко мне лицом на бёдра. Проверяет устойчивость сиденья. Накрывает своим жаром мой пылающий пенис. Замирает прислушиваясь к ощущениям, давая и мне почувствовать пульсацию мышц влагалища.

Мы общаемся взглядами, говорим,что нам невероятно приятно. Уж насколько приятно лапотулечке, так мне в сотни раз приятней, ведь это моё первое соитие. Примерно так я фантазировал свой переход в статус мужчины. Правда тогда это было всё кратко, обрывочно. До оргазма. А тут натурально происходят все мои желания. Мама начинает ёрзать на мне. И мне это стократно нравится. Начинаю напрягать ягодицы, вхожу с ней в такт, помогая руками поднимать попку моей невероятной любовницы. Стоны и хлюпанья гениталий нарушаются тихим потрескиванием догорающих дров.

— Я хочу сверху.

Мама встаёт. Поднимает меня с лавки, сама ложится на неё вдоль. Я ставлю ноги по разные стороны сиденья, смотрю на красноту вульвы, на блеск перламутровой слизи. Окунаю в ней фалангу, облизываю. Первые женские капельки, попавшие мне в рот, показались мне восхитительными. Игнорирую руки-посредники, приседаю к лону и лижу из источника напрямую. Стимуляция отдельных участков гениталий вызывает разный ответ в виде стонов мамы.

— Вот здесь. — Мамин палец указывает на верх губ, где они будто капюшон соединяются над ярко-розовой изюминкой.

Руки моей любовницы давят на затылок, показывают напряжённость моментов, в которые иногда попадает её тело, таз приподнимается для лучшей стимуляции. Несколько сокращений мышц всего тела мамули, подобны тому что происходит со мной во время оргазма. Мама тянет мою голову за уши к своим губам, целует. Тем временем освобождённое место занимает охладившийся пенис. Несколько десятков фрикций, и я наконец то заполняю влагалище порцией спермы.

Долго находиться в таком неудобном положении не могу, притягиваю мамочку к себе, усаживаю на колени. Глажу своё счастье по груди, целую его в нежные уста.

В парилке омываемся до чистоты, вытираемся. Надеваем шубы и валенки на голые тела и идём в дом. В нём также тепло, пахнет уютом, наведённым нами. Мягкая постель с тёплыми одеялами убаюкивает нас.

Я проснулся, чувствуя на себе мамин взгляд. Он добрый, нежный.

— Выспался, Пашенька?

— Да, любимая Зиночка. Так приятно я никогда не спал.

— Зиночка?

— Я соображаю, что произошедшее между нами, позволяет мне называть тебя по имени... , по крайней мере рядом с тобой в постели.

— Хорошо, любовник. У меня одно единственное пожелание. Ни в коем случае не переводи свой статус относительно меня, в статус моего постоянного любовника и тем более супруга... Потому, что, во-первых, тебе нужна девушка помоложе, с которой ты создашь семью. Во-вторых, я... Мне нужно будет добиваться расположения здешних чиновников. А это подразумевает постельные встречи.

— Бартер — тело на дело?

— Да, чисто по проститутски. Но гроши (мама иногда вставляла в свою речь украинские

слова) платить за это будут они, чиновники. Платить и давать разрешение на деятельность мотеля. Поэтому я заказала из Китая оборудование для скрытой съёмки. Ты ведь уже устанавливал подобное оборудование на территории того мотеля.
— А тут придётся в бане и доме?
— Сообразительный мой. — Зиночка чмокнула меня в нос. — Проголодался? Давай съездим в ближайший ресторан, отметим это дело.
— Я разогрею машину, а ты…
***
Через час мы заказали обед и шампанское. Я порывался сказать любимой о своих ощущениях, о том, что хочу провести с нею неделю, не вылезая из постели, чтобы пресытиться ею. А она похохатывала, закрывала мой рот ладошкой. Позволила пригласить её на танец.
Наши одежды прекрасно гармонируют меж собой — слепящее своей краснотой платье, прикрывающее бёдра до середины с глухим воротом и рукавами до локтей и мой чёрный костюм-тройка известного западного брэнда, напоминают знатокам о саге «Красное и Чёрное». Несколько золотых изделий на руках моей любовницы, вспыхивают, отражая свет софитов, создающий интимный полумрак.
В такой момент, я не мог надышаться её ароматами. Мёд, все ещё отдающий запах, напоминал о натирании, разбудил желание. Волосы головы, помытые дорогим шампунем, смешиваясь с запахом мёда, напоминают о лете. Мои пальцы на спинке мамули ощущают нежность тела.
К нашему столику подошёл мужчина. По его виду можно было догадаться о криминальном прошлом. Пригласил маму на тур. Проводил к столику после него. Бандит, бандит, а галантностью его Бог не обделил.
— Я сказала Никите, что у тебя сегодня день рождения, так что, если он подойдёт и поздравит… Он дал свой номер мобильного. Просил позвонить, как буду свободна.
— Зиночка, ты же заметила его наколки? Явно нешкольные наклейки.
— Видимо у меня судьба притягивать такой контингент… Мужчина, от которого я зачала тебя тоже из таких.
— Где он сейчас?
— Попал под вышку… Расстрел. По их понятиям, он, как попавший в руки закона, взял всё преступление на себя… Находясь под крышей, безбоязненно могу шантажировать чиновников, которые, поверь мне, гораздо хуже криминалитета.
— Я похож на него?
— Иногда… Когда ты обижен на что-либо, у тебя проявляются складки на лбу и около глаз. Если ты будешь часто хмуриться, то они станут видны отчётливей, и ты будешь похож на своего отца.
— Если нам позволяют средства, почему мы не поселимся в городе, не начнём такой же бизнес рядом, где оживлённее движение?
— Перегорела я оживлением. Охота спокойствия, тишины окраины. Чистоты воздуха. Давай лет пять-шесть поживём в Гнезде, а там уже посмотрим. Может и ты примешь такой образ жизни.
— Да, но тут рестораны, дискотеки.
— Ты ими быстро пресытишься, заметишь, что в них постоянные лица, скрытые маской

показного веселья и беззаботности. Давай каждую субботу будем проводить в таких местах?
— Зиночка, ты умница!
Мы заказали некоторые блюда на дом. Бутылку вина нам передали от столика, где с подружками и друзьями отдыхал Никита. Зина послала им воздушный поцелуй.
— Любимый, не гони. Некоторые гаишники не меньшие твари.
Я сбросил обороты до положенной скорости. Ощутив лёгкость в душе, слушал о том, как она встретила Петра, моего отца.
«Я училась в универе на историческом факультете. Большой город пленил меня огнями, громкой музыкой. Два курса я проучилась нормально, без провалов и тому подобного. Передел собственности, начавшийся после развала страны, привёл к росту бандитизма. Люди начали бояться всех. И правоохранителей, и урок. Первые и вторые отнимали у простых граждан последние гроши. Денег на проживание в общежитии не хватало. Пошла я работать официанткой в кафе, которое открыл некий нехороший человек. Пьяные морды лезли целоваться, крепкие руки оставляли следы на попке. Вот в этом кафе и увидела я взрослого мужчину, поглядывавшего на меня. Он ужинал каждый день, я познакомилась с ним. Ты же умник, догадался, что произошло дальше. Ему польстила моя девственность, он пообещал мне... полцарства и тому подобное. Год беззаботной жизни, влюблённой девушки рухнул, когда Петра арестовали. С помощью его друзей, подкупивших охранников, я попала за ограду СИЗО. Три часа спустя, я вышла оттуда. Вынесла из него тебя, мой родной. Написала через месяц о своём положении. Через своих знакомых он просил назвать ребёнка или Павлом, или Анной, в честь его родителей... Вот и приехали. Потом до расскажу.»
— Ты встречалась с ними? С родителями отца?
— Они погибли, когда Пете было десять лет. Детдом не лучшее место для воспитания ребёнка. Сюда я не вернулась. Здешние поселения организовали староверы. Приезжать с нагулянным ребёнком, только нервы портить.
— Продолжим... ? Праздновать наш новый статус?
— Открывай вино. Я в баньку... , мне надо...
Зина вернулась несколько минут спустя. Поддержала мой тост — «За нас! За восхитительные мгновения, которые мы имеем, поддавшись эмоциям!». Из смартфона лилась лёгкая музыка, я кружил любовницу в танце. Мёд, вино и грациозность моей любимой, кружили моё сознание. Моё тело летало как бы левитируя. Обнажение началось после длительного поцелуя, при котором родимая плотно прижималась к моему животу, где стоял пенис.— Я тоже такого хочу. — Сказал я Зиночке, которая всосала мой член до половины. — Одновременно...
— Когда это мой бесстыжий мальчик обучился тонкостям секса?
— Я ведь современный молодой человек, как заходить на сайты для взрослых, знаю. Вот только со своею девственностью я решил расстаться со своей любимой женщиной.
С последними словами, я толкнул любимую на постель, припал к источнику влаги, которая уже текла горным потоком по бёдрам. Затем Зиночка лежала на спине, закинув полные ножки на мои мощные плечи, затем стояла в коленно-локтевой позе, ладонями растягивая ягодицы, показывая мне звезду. Пенис покрытый толстым слоем вагинальной жидкости, отверстием уретры крупной головки, нацелился на «яблочко» ануса. Нежными толчками я вошёл в него. Мне понравилось чуть протолкнуть головку дальше в кишку, а потом вытягивать до упора венца в сфинктер, тогда пенис как бы удлинялся. И такие действия я

повторил несколько раз. Потом мама попросила полного введения. Это тоже оказалось кайфово. Тугие мышцы ануса массировали вены на стволе, а моя любовница сладко постанывала, принимая мой фалдус в опорожнённый кишечник. Я слегка наполнил его эякулятом.

— А я всё думала, почему ты не встречаешься с девушкой. И давно у тебя зрела такая мечта?

— Пять лет. О твоей любви заниматься сексом, я услышал, когда ты разговаривала с Тамарой Ильиничной. Вы тогда слегка перебрали алкоголя, откровенничали на непристойные темы. Особенно ушей подростка. Вы, будто хвастаясь друг перед другом, рассказывали о любовниках, о их потенции. Я ушёл из дома, кинулся искать доступную женщину... Ага, фантазёр! Потом уже за полночь, вернулся домой. Вы лежали в довольно откровенных позах. Если твоё тело лишь частично можно было рассмотреть, то Тамара лежала раскрытая. В тот момент я впервые онанировал. Дрочил глядя на голое тело твоей любовницы.

— Ха-ха-ха! А она утром мне рассказала, что видела твою мастурбацию, я правда не поверила, думала, что ей это в пьяном угаре показалось... Думаю, ты хочешь обратной откровенности от меня. Да, я люблю заниматься сексом. Вот как начала любить после дефлорации, так и не утеряла желание. А о тебе, как о партнёре, начала думать в прошлом году. Тогда Томка намекнула, что одарит тебя своим телом. Я поначалу обрадовалась... , а потом задумалась. Ведь она грязная потаскушка, может поломать твою психику. Отговорила её, сказав, что ты уже встречаешься с девушкой и всё такое... Она говорила, что вот удачный момент, чтобы обучить тебя как любить девушку. Но я настояла. Даже поссорилась с ней.

— А я бы устоял перед ней. Но вскипал ревностью, когда ты исчезала вечерами.

— Да-а-а. Только новые любовники, удержали меня от соблазнения тебя ещё в Киеве. Но видишь, как замечательно у нас вышло. Что говорят — не надо спешить, нужно дождаться более благополучного момента.

— А как ты хотела... В Киеве?

— Начала посматривать, как ты развиваешься, ходишь в спортзал, набираешься тестостерона. Мечталось как сегодня, пригласить тебя в ресторан, там долго танцевать, позволяя ощупывать своё тело. Тереться лобком о твой бугор в штанах, давая понять, что я теку и желаю секса. Вернувшись домой, попросить тебя расстегнуть молнию, вот на этом красном платье. Не спеша снять с плеч и будто нечаянно уронить на пол. Показать тонкое эротическое бельё. Ловить твои жадные взгляды, переводить свои на твою промежность. Уходя в спальную, повертеть попкой и, если ты не решишься проследовать за мной, вскрикнуть, будто увидела мышь... а сегодня, после длительного воздержания я уже сразу решилась. И медленно подвела тебя к соитию. Не так, как хотела Томка, сразу в постель.

— Зиночка, ты у меня умница! Что ты посоветуешь мне, если я начну встречаться с девушкой?

— Искренности. Хочешь с ней переспать, лёгким намёком скажи об этом. Хочешь только одного соития, не лги. Скажи — хочу лишь попробовать, что ты за штучка. Поверь мне, лучше искренность, чем увёртки. А уж если какая-то так понравится тебе, что не сможешь жить без неё, то живи и не погань любовь изменой. Ну-у-у-у... , разве что со мной... , и то, когда она не сможет... месячные или беременность.

— А ты?

— У меня спираль, если ты об этом. После одного аборта... , тебе шесть лет тогда было... , начала предохраняться.

— Зиночка! Ты лишила меня братика или сестрёнки! А я так мечтал.
— Знаю, сынок, знаю. Но я не могла себе позволить нищенствовать. Я все силы отдавала на воспитание тебя, мой родной сын Петра.
— Мам, не надо плакать… Кто я такой чтобы осуждать тебя? Допьём вино?
— Нельзя давать умереть джинну. Наливай, любовничек!
Зина вытерла слёзы, поправила причёску. Моя обнажённая любовница, накинув тулуп, надев валенки побежала в баньку — эстетика соития требовала от неё чистоты гениталий и ануса. Захватив бокалы, я тоже очутился в ещё тёплой парилке. Посмотрел, как она подмывается, омылся тоже. Аромат мёда дразнил воспоминанием.
— Наверное я теперь всегда буду возбуждаться, унюхав мёд.
— Как и я… возбуждаюсь от вони плохого табака… Да, да. От твоего отца всегда пахло сигаретами «Прима», которые он употреблял по две пачки в день. Говорил, что начал в детдоме курить эту гадость и изменять привычке не собирается… Паша! Не здесь… в доме… Там удобнее.
Зина оттолкнула мою длань, начавшую массировать её попку. Кокетливо повертев ею, накинула тулуп. Пустые бокалы я занёс вслед за моей очаровательной первоженщиной.
***
Все вечера следующей недели мы пресыщались сексом. Вечера начинались приятным ужином, который готовили вместе. Мягкое вино, страстный секс. Короткая ночь, утренний минет иногда сменялся соитием.
Пришла посылка. В бане, в парилке и предбаннике по камере, которая снимает и в темноте, благодаря инфракрасной подсветке. В доме, в большом зале и маленькой спальне по две камеры в каждой. Ноутбук, куда записывались все встречи, спрятали на старый шифоньер с багетом по верху.
Сначала проверили на себе. Начали тискаться в бане после помывки. Опять эротическое обмазывание тел мёдом, опять страстные объятия. Затем продолжение в доме. Разные позы, в разных положениях тел относительно камер.
— Вообще то качество обещали получше, но и так можно понять чьи лица в кадре. — Зиночка опять потягивалась — сказала, что догадалась о моих возбуждениях при такой её игре. — И первым у нас в списке инспектор пожарной охраны. От него требуется инспекция на безопасность проживания клиентов в наших домах. По коду: «Павел, ты должен нарубить дров в крайнем доме!», ты покидаешь нас.
— Зиночка, а если он не коррупционер?
— Были в моей жизни подобные люди… Если он нормальный человек, то подпишет разрешение — у нас ведь всё будет в порядке. Хочешь радостную новость?
— Зинуль, о чём ты спрашиваешь? Конечно хочу.
— У тебя намечается… соитие. Не со мной! Санэпиднадзор в этом районе осуществляет… Нет. Не пидорас, но тебе нужно будет морально приготовиться, что какой-нибудь член, не захочет тела твоей любовницы, а засмотрится на твой инструмент. По моим сведеньям Валентина Ивановна, сорока трёхлетняя женщина, не против тела молодого парня.
— Страшная?
— Таких красавиц как я, конечно много, но не все. Брюхастая целлюлитная коровка конечно испоганит твой утончённый вкус, любящий женщин на подобии меня, но для дела придётся потерпеть.

— Зинуль, а ты с Никитой уже встречалась?
— Нет. Но созвонилась. Поговорили с полчасика. Обрадовался моей тюремной лексике. Рассказала о Петре. Зауважал сразу. Пообещал крышу, если будут наезды. Вот если он приедет и у нас дойдёт дело до постели, то это записывать не смей. Понял?
— Ты уже решила, как назвать мотель? — Я перевёл разговор на другую тему. Мне определённо хотелось записать акт Зины и Никиты. Не для шантажа, а как учебное пособие для ласк моей любимой Зиночки.
— Что ты предложишь?
— Не называть же его — Гнездо. Хотя не плохой вариант, но лучше что-то врезанное в память. Как насчёт — Мотель Бейтсов? — Норма и Норман? А действительно запоминающийся намёк. Закажем неоновую вывеску...
— Я думаю, что билборда будет достаточно. Просто слово мотель на русском и его название на английском языках. С двух сторон хутора. Да-а! Ещё нужны дорожные знаки. Километров за пять с обоих концов, а то обидно будет, если не дотянут, остановятся на привал буквально под нашим носом. Я вобью во все карты наш мотель. Гугл-мапс. Яндекс-карты. В соцсетях порекламирую.
Зина одобрила мои предложения, поцеловала в головку. Потом последовало соло на уздечке. Талант, что вы хотите. Сегодня у неё побежала «Красная армия», поэтому ограничилась анальным ублажением. Вторым за вечер.
— Зиночка, а эту дырочку тоже папа вскрыл? — Спросил я, затыкая её анус салфеткой.
— Нет. Он считал, что в попу трахаются только пидоры. А на анальный секс меня уговорил профессор в универе. Тебе уже было десять лет. Ты мог самостоятельно прожить неделю без меня. Я приехала в Пермь. Думала продолжить обучение. Вот тут-то меня ожидал сюрприз. Он вспомнил меня, как я хорошо училась. Пригласил в ресторан. В номере гостиницы мы продолжили встречу. Конечно мне и раньше намекали на тот нюанс, что похабники называют «черный вход». Но этот мужчина был очень настойчив и приятен как любовник. Лаская мою девочку языком, окунул пальцы во влагалище, влез ими в попку. Чувствую, что мне также приятны эти движения, как если бы пальцы находились в лоне. Конечно, надо было должным образом подготовиться. Но сам понимаешь — откуда в номере гостиницы клизма? А когда вернулась в Киев, то уговорила Томку на анал.
— У тебя есть фаллоимитатор?
— В той сумке, которую я просила не открывать. Теперь можешь достать... Я им трахала любовницу, сама просилась на анальное ублажение. Ты бы видел глаза Томки, потом с какой прытью она побежала клизмиться... ха-ха, это что-то! Пока она отсутствовала, я укрепила вибратор на поясе... Вот тут видишь прорези... ага, для ремней. Любовница вернулась с подготовленным анусом, попросила сначала традиционного коитуса. Она и так более трепетная чем я, поэтому от мыслей, что будет невероятное продолжение, улетела в астрал. Так что попа была хорошо расслаблена, впустила вибратор легко. Плохо что ещё нет вибраторов с интерактивностью, моя роль в акте свелась только к механическим движениям.
— Любимая, не сочти меня совсем за извращенца. Может быть закрепим его на моём поясе, и я двумя...
— Пашка! Я тебя люблю! Ты такой выдумщик... А к чёрту менструацию! Не первый раз! Я подмываться, ты найди ремни, закрепляй пока.
С такой скоростью можно на соревнованиях по бегу завоевать призовое место. В сумке

нашлись ремни и лубрикант. Половина тюбика геля с вишнёвым ароматом.
Любовница вернулась пропитанная медовым запахом. Одобрила конструкцию. Встала раком на постели. Сначала я ввёл резиновый член в анус, затем Зина направила мой член в вагину.
— Паша, не шевелись — я впервые на двух членах. Заранее прошу простить если буду сквернословить.
— Родная моя, если ты боишься…
— Не боюсь! Я могу потерять контроль над разумом в состоянии гипероргазма. Начну двигаться, а ты потом подключишься.
Моя любимая сделала осторожное движение от меня, затем вернулась на место, я поглаживал спину и круп Зинули, тем самым успокаивая её. Как по мне, то я не чувствовал улучшения качества соития. И если бы я раньше это знал, то возможно не предложил бы любимой. Но так как в соитии участвуют двое, то нужно обоюдное мнение.
А потому, как стонала любовница, то похоже мне придётся время от времени трахать её двумя членами. Находясь за гранью разума, Зина бормотала о кайфе соития, о том, что если бы я был на её месте, то обязательно напросился бы на такой акт. Я уже гонял члены по всей длине, похлопывал Зину по ягодице.
Зина начала просить закончить акт, а я никак не мог кончить. Отстегнув ремни, я освободился от второго члена, перевернул родимую на спину и смог довести себя до экстаза.
— Пашенька, если я буду сильно пьяна и просить подобного, не исполняй мою просьбу.
— Мамочка, родная. Прости меня! Говорю, что в дурную голову придёт.
— Тебе тоже не понравилось? Всё-таки нет ничего лучше нормального традиционного полового акта.
Ника.
17-го апреля 2014 года.
Я молю не совсем старый «Вольво» выдержать последние километры до плато. Там уже можно будет остановиться, не боясь отката назад, отдохнуть. Хоть и тяжко это осознавать, но придётся ночевать в кабине. Третью ночь, мать мою ёб. Менструация закончилась, а вонь от немытой промежности раздражает не только меня. Верка воротит нос, отмахивается от моих запахов и табачного дыма, который исходит от моей сигареты «SALEM» и отцовых «САМЦОВ». Порядочная гадость я вам скажу. «CAMEL», я имею ввиду. Ведь именно с них я начала курить. И именно из-за этого пристрастья я являюсь женой. Для моего любимого папы-мужа. Вот он, лежит в спальнике, покряхтывает, когда машину подкидывает на ухабах. Я понимаю, что он действительно натрудил поясницу, едва передвигается от боли. Но какого же ты лешего рванул в эту ездку? По незнакомому маршруту, с ненадёжным сцеплением, с не долеченным… ишиасом. Да, батя, я тебя понимаю — всё для нас, для дочерей. В основном конечно для Верки, его обожаемой дочурки. Будто я тебе враг государства.
— Кыш, суки! — Вскрикиваю я стае ворон, чо-то клюющих на обочине, неосторожно взлетающих и налетающих на стекло и фары машины.
— Не дёргай! Плавнее! — Также громко предупреждает отец. — Верка? Башмак держи наготове. Ну давай, ласточка, дотяни. — К автомобилю он также обращается нежно, как ко мне.
— Папочка, ты не волнуйся, ласточка не поломается. И колодка у меня под ногами. — Верка сюсюкает. Дура девятнадцатилетняя, как детсадовский ребёнок. — Ника! Как ты не понимаешь, что папе одному трудно, мы должны помогать ему.

— Ты, — мне охота грязно выругаться, заставить её саму крутить баранку. Но не могу. Дала ему зарок, чо стану порядочной девушкой, — сестрёнка, сядь сюда, покрути руль. Тут мягче чем на твоём месте, гидроподвеска смягчает.

Мне больше никто не мешает внимательно смотреть на дорогу. Сколько ещё до той горной равнины? Пять? Сотня километров? Хоть бы там был небольшой посёлок, с харчевней. И этот… отель. С жакузя, с рестораном. Мы бы там отдохнули до утра, выспались бы на ровных постелях. А утром, отцу станет легще, поглядим чо там с сцеплением. Если не сложно, то подшаманим и по равнине, до следующего подъёма быстро доедем.

Глянула на Верку — клюёт носом. Мы хоть и двойняшки, но отличаемся во всём, как по размерам, так и по психству. Если в тринадцать лет, когда закровила моя писька, я выглядела как двадцатилетняя девушка с большими сиськами, задницей не меньше отцовой, то сестра казалась десятилеткой.

Уже в то время я могла выкурить три сигареты подряд, отпиздить старшеклассницу за косой взгляд на мою фигуру, побеждала некоторых парней в соревновании на руках. Хотя некоторые из этих дурачков специально поддавались мне, потому что условие — побеждённый показывает часть тела победителю. А у парней ясно чего охота посмотреть, на их хуи. Уже стоячие хуи. Ну и естественно прикол — заломай теперь ЕГО. Ну, а чо? Я прикольнуться люблю. Охватывала член ладошкой и заламывала. Иногда в натуральную — кончал какой-нибудь только от моего касания. Вот это было кайфово! Смотреть как залупа раздувается и выплёвывает молофью.

Когда проигрывала я, то чаще показывала письку — легче было задрать подол и оголить волосню между ног. После таких игр, ночью, когда Верка начинала храпеть, я ласкала свои сиськи и письку. Думала про то как залупа раздуется у меня в пизде, плюнет мне туда. Но хотелось, чобы это был папин хуй. Верка дрыхнет, а я выхожу в зал, где спит папа, опираюсь спиной о стену, смотрю на нево и ласкаю себя, представляя, чо это он водит членом по моим ляжкам и письке.

А Вера жаловалась отцу. На одноклассников, на дворовых подростков, на меня. Чо я дерусь в школе, во дворе. Ругаюсь матом. Ворую евонные сигареты. Он никогда не был жадным, всегда покупал чо мы просили, давал деньги на расходы. Но вот то чо я украла, взбесило ево.

— Вся в мать, сучка! Та такая же воровка и прошмандовка. — Батя дважды хлестнул меня по щекам. — Также съебёшься из дому! — Ещё удар. — С последними… блядь… деньгами. — Держит меня за ворот и с каждым словом хлещет по лицу.

Мне в тот момент ещё не была известна история с мамой, так как, когда женщина, родившая нас, ушла будто работу и пропала, нам было всего по полгода. Наверное, я очень на неё походила, потому чо отец, хлестал уже не меня, а ту, которая предала его.

Я сильно дёрнулась. Домашний халат, оставшийся от той, чей образ сейчас мутил его сознание, порвался. Прям вот так, на две полосы, скреплённые пуговицами. Осталась я в лохмотьях халата и трусах.

— Сука! Сука! Сука! — И ещё несчётное количество раз повторял он, схватив меня за волосы, и хлеща по заднице. А потом…

Батя вдруг замер, охватил меня за талию, притянул к себе. Опустил руку в мои трусы, мгновенно влез в письку. Я прихерела! Парни уже лапали меня и за там, и за сиськи. Но в щель никто не влезал.

Освободив свои пальцы из моих волос, придавил сиську. Больно! Когда бил по лицу и жопе я

так не вскрикивала. И палец в щели рвёт целку. Я вскрикиваю и теряю сознание. Ненадолго...
На несколько секунд, которых хватило отцу, чоб стянуть с меня трусы, спустить свои штаны с трусами. Вот именно в первый миг, когда он вошёл в меня своим узловатым членом, я очнулась. Резкая боль, мой дикий вскрик и я опять проваливаюсь в беспамятство. Очнулась от тряски тела, от боли в соске левой груди — батя резко и часто долбит меня в пизду и всасывает сиську.
Понимая, чо между нами происходит, я начинаю тихо плакать. Через минуту-другую мне начинает нравиться эта работа папани. Плакать перестаю, вслушиваюсь чо он бормочет, прислонившись к моей щеке.
— Люська, как же я по тебе соскучился. По твоему мягкому телу, по нежным сиськам. Давай, милая, подмахни, как ты это умеешь делать, подмахни.
Я понимаю, чо он представляет меня какой-то женщиной, просит поднять жопу. Опираюсь пятками о постель, напрягаю ягодицы, поднимаю задницу. Наверное, ему это приятно, сразу застонал, ускорил скорость. Но мне так не очень удобно. Развожу ляжки пошире и поднимаю их вверх. Чувствую мгновенно пришедший улёт. Такой как был, когда я дрочила себе письку.
Папка громко застонал, опять прикусил сосок. Боли уже не было, был невероятный кайф. Кайф от понимания, чо отец называл меня ласковыми прозвищами, целовал в различные места. И наполнил меня спермой. Горячая струя, толклась по чему-то там, в глубине пизды, сбила меня в оморок.
Батя лёг с боку от меня, часто дышит и молчит. Я тоже молчу, хотя охота расцеловать его. Высказать ему всё о чём мечталось. А мечталось именно об этом. Чо он будет моим мужчиной. Навсегда! Хоть и был он со мной неласков, иногда даже груб. Может поэтому я старалась, не так как Верка, хитрой лисой, а чисто по женскому, подлизаться к нему, потереться о щетину, которую та же сестра боялась, вдохнуть запах соляры, машины.
Сейчас то я уже понимаю его действия относительно меня — я сильно похожу на Люську. Родительницу. И телом, и привычками. Ставшим в подростковом возрасте хрипловатым, подпорченным рано начавшейся привычкой покурить, голосом. А тогда я думала, чо он почуял мои желания и выебал меня.
Дворовые подружки, которые уже еблись, рассказали о кайфе парней, чо они после этого лежат как львы, их можно голыми руками брать, но лудше не мешать им своим треплом, кайфовать дальше. Молчу и я. Перебираю евонный волос на голове, почёсываю кожу под ними. Пять ли, десять ли, минут спустя, замечаю, чо отец начал дышать по-другому. Глубже, с остановками перед выдохом. Ладонь начала поглаживать мой живот.
Скосила глаз на его хуй — встаёт. У меня тоже. Один сосок, второй. Сикель напрягся, появилось знакомое тепло в пизде. Вот именно такие моменты мне нравятся. Когда только начинается возбуждение. Тогда организм наливается блаженством, предчувствием щастя.
Нет! Я не хочу сказать, чо продолжение мне не нравится. Ещё как нравится. Но секс для меня разделён на части... Как это... ? На этапы! И предчувствие, чо ты займёшься сексом с любимым человеком, для меня самый лучший кайф.
В тот раз я не знала, чо делать дальше, просто ждала чо будет делать мой мужчина. Ласки живота стали грубыми, передвинулись на сиськи, соски. Затем опять сжатие ладонью моих волос на пизде, вместе с мясом под ними. Мне больно, я втягиваю воздух через зубы — он, холодный причиняет боль зубам, она отвлекает меня от боли на нижних губах. Вот этот приём, каким-то образом всплывший в моей памяти, похож на сильный стон. Стон

заводящий моего мужчину.
Он больнее сжимает внутреннюю сторону ляжки, там, где самая нежная кожа у больших губок, я ещё громче всасываю воздух, ещё громче стону. Его это окончательно возбуждает. Ложится на меня, резко вводит хуй. Пизда моя пердит, и продолжает время от времени пердеть, но ни он, ни я, не обращаем на это внимание. Он опять называет меня Люсей, говорит, как любит. Но чёрт побери, не меня, а её! Как же я её ненавижу! До сих пор.
Но женским чутьём понимаю, чо лудше не поправлять его, называю Коленькой.
— Ах, Коленька, как же заждалась, когда ты будешь любить меня. Давай, Коля, давай, сильнее трахай меня. Ведь я твоя любимая Люся.
И батя завёлся — я уже не успеваю подмахнуть ему, просто задрала ноги вверх, ухватилась под коленями ладонями. Потом он поставил меня раком.
Одна женщина в роддоме потом рассказывала, чо такая поза нравится мужчинам, потому чо они чувствуют доверие самки, не боящейся, чо самец сделает ей плохое.
В тот момент я ещё не знала об этом, просто делала то, чо пожелает мой мужчина. И действительно, он стал нежен, поглаживал мою спину, иногда переводил ласки на груди. Я устала опираться на руки, легла мордой на матрас. Смотрю между ног. Вижу евонные яйца, бёдра. А дальше в приоткрытую дверь блестящие глаза Верки.
Вера.
Тот же день.
Как мне надоела такая жизнь. Сколько себя помню, всегда меня заставляли делать то чего я не хотела. Хотела оставаться в садике на ночь, где дети, чьи родители работали в ночную смену, продолжали играть с куклами и карандашами, а меня тянули домой. Папаша и Вероника. Ей то не интересны куклы, ей мечтается залезть в капот настоящей машины, извозюкаться там в мазуте. И потом дебильно улыбаясь, размазывать его по морде. По толстой, жирной морде.
Так же и в школе нравились продлёнки, когда не надо было плестись домой, жрать китайскую лапшу, залитую до состояния жидкого супа водой, от этого становящуюся безвкусной и противной. А в школе и актовый зал с большой сценой, где можно поиграть в театр, попеть песни, не боясь быть высмеянной отцом и сестрой. И спортзал где эхом отражаются удары мяча о стену или пол.
Сейчас то я проанализировала эти свои желания, вспомнила о настоящих причинах остаться на ночь в садике — подружки говорили, что нянечки приходят, укрывают детей, как укрывают мамы дома, чтобы не замёрзли. А у нас мамы нет. Папа один и за себя, и за маму. Укроет конечно, но охота было чтобы это сделала женская рука, а не пропахшая мазутом шершавая ладонь отца.
А в школе кормили дополнительными вкусняшками. И можно было подсмотреть как учителя мужчины поглядывают на учителей женщин, старшеклассниц. Представить продолжение этих взоров. Ведь так было однажды.
Во время урока у меня скрутило живот, я отпросилась в туалет. А так как я очень брезгливая, то пошла двумя этажами выше, туда где туалет для учительниц, с двумя нормальными фарфоровыми унитазами. На одном сиденье было в остатках толи мочи, толи ещё чего, а на втором вообще без стульчака. Забралась я на него верхом. Уже сделала свои дела, поправляла форму.
Тут в туалет вошла училка по биологии — её длинные рыжие волосы я успела заметить и

присела — помнится ругали некоторых девочек, которые посещали этот туалет. Зашла значит рыжая, наклонила голову к низу, посмотрела на пол, не заметила ничьих ног. Позвала: — Никого нет. Давай, о чём ты хотел поговорить.

— А то будто ты недогадливая. — Голос принадлежал физруку. — Сколько ты ещё меня будешь изводить, кормить завтраками.

— Ты женатый мужчина. Я не хочу разрушать ваш брак. Ну, не надо... , прошу тебя... Ой. Вить, ты юбку помнёшь... Да что же ты такой... настырный... Колючий какой... Не натирай мне щёку... Погоди... я сама расстегну.

Я даже не дышала в тот момент. Поняла, что они стоят у окна, поняла, что у них происходит. Привстаю, увидела их затылки. Ещё повыше привстала. Целуются. Я опять присела — она может открыть глаза и увидеть меня. Я наклонилась как могла, увидела, что спортивные штаны лежат комком на щиколотках тренера, а юбка у ног училки.

— Встань к подоконнику...

Вижу, что женские ноги отвернулись от меня. Поднялась. Её трусики на бёдрах, ниже опуститься им не даёт пояс для поддержки чулок. А мужчина уже пристраивается. Что и куда, я могу только догадываться — с этого ракурса не видно. Зато видна полу загорелая жопа тренера, начавшая трахать женщину.

Акт я просмотрела от начала до конца.

— Всё? Удовлетворён? — До этого была практически тишина, только временами шлепки телес озвучивали соитие.

— Зачем ты так? Тебе ведь понравилось! Я же знаю, когда женщинам нравится.

— Не понравилось! Сам думай почему.

— Я подумаю.

Гамадрил, что с него возьмёшь. Я и то догадалась, что не понравилось биологичке — ей охота другой романтики, а не стойка раком в школьном туалете. Нет! Решила я тогда про себя. Я никогда не буду трахаться в подобных местах. Это в тот момент, а потом на уроке подумала, что училка сама того хотела. Сама зашла в туалет, осмотрела помещение, позволила оголить себя. Капризная шлюха, вот кто она. А через полгода я на такое нарвалась...

Вероника, корова такая, разозлила меня окончательно. Я и рассказала папе, что она курит. Это не так разъярило его, как моё продолжение: «Она ворует твои сигареты!».

Он сразу зашёл в нашу с Никой спальную, начал бить её. Даже сквозь закрытую дверь я услышала шлепки по её телу. По жирному телу. Потом звуки прекратились. Я думала, что он наставляет корову на путь истинный. Жду, когда они выйдут и мы будем ужинать. Хорошо хоть Вероника тогда пожарила картошки с грибами и наварила суп. Полчаса тишины обеспокоили меня. Уже думаю об убийстве. Он ведь мог задушить свою корову. Заглядываю в спальную.

«Да что ж ты её так душишь?», — хотелось вскричать мне. Ноги сестры, как рога у троллейбуса задраты к потолку, а между ними папина жопа быстро таранит коровину манду. И этой сучке такое наказание в кайф. Стонет как порноактриса. Да, я уже смотрела видео для взрослых.

Потом папа поставил корову на четыре точки и продолжил... сношать раком. Вымя коровы колебалось в такт толчкам. Она заметила меня, но ничего не сказала папе, который также как физрук замер. Они опять легли на постель. Ника потянула одеяло, укрыла его и себя. Всё это под восторженные взоры на меня. Сука! Как же я хотела изрубить говядину топором.

И после этого началось. Она думает, что я уже уснула, идёт к отцу, там они опять... совокупляются. А я извожу свои нервы. Страдаю. Ведь у меня сисек нет, жопа тощая. Ну и что, что лицо красивое? Через месяц таких страданий лицо стало безобразным. И голос всё никак не ломается, не становится женским. Хорошо хоть месячные пошли.

А эти уже не скрываются от меня — просыпаются в одной постели. Ты, взрослый мужик, как ты не мог знать, что она забеременеет? Пузатой в школу ходить стыдно. Отец сходил в школу оформил документы об окончании восьмилетки.

Одно хорошо — в доме появилась хозяйка, всегда убрано, кушать готово, одежда поглажена. Я только матерью её не называю, в отличии от отца, который чмокает её по приходу домой, назвав матерью, спрашивает о делах, состоянии плода.

И вот я взрослая, а всё равно прусь с ними в какой-то Замухрыньск. Хотя вот этого своего статуса я заслужила сама, однажды оказав помощь отцу в подсчёте затрат на рейс. Тогда помнится мне, он сидел, подсчитывал сколько получилось дохода за ходку. И так как с математикой я дружу, то быстро нашла ошибки в его расчётах, которые на порядок уменьшили его прибыль. В следующую ездку они пригласили меня. В качестве счетовода. И после этого я езжу с ними, потому как они опять лохонутся, их обсчитают на заправках. Пришлось также вызубрить правила дорожного движения, новые указы и постановления для регулирования отношений водителей и инспекторов.

Вот такой, блин, семейный подряд. Два водителя и счетовод. Я бы не ворчала, но сутками трястись в прокуренной кабине, без возможности расправить тело хоть во сне, три раза в день жрать ту же самую лапшу или засушенное пюре.

Скорее бы доехать до плато. По моим знаниям карты этой области, там была деревня, напроситься в ней к кому-нибудь на постой, хоть на ночку. Даже на матрасе на полу расправить тело. А если бы они угостили нас отварной картошечкой, то вообще бы прелестно было бы.

Ника ворон шугает, этим разбудила папашу, дура жирная. Вот почему так природа устроила — я много ем, не поправляюсь, эта корова, подножного силоса перекусит, и толстеет? Гормоны видимо. Правда, когда Ника была беременна, тоже жрала дай Бог. Мы трое знаем от кого ребёнок, который умер через неделю после рождения, а соседям и знакомым говорим, что Вероника залетела от одноклассника.

Ника.

Чуть позже.

Спит мой родной муж-отец. Хоть выбоин стало меньше, не так трясёт. Как же я люблю тебя, муж мой. Жаль только, чо малыш наш умер. А мы уже имя придумали ему — Сашенька. Верка потом вычитала в тырнете, чо ин... инсес... Тьфу ты, чёрт! Инцест виноват в смерти. Объяснила причину и сказала, чо мы не должны трахаться. Особенно должны предохраняться, если продолжим. Грамотно объяснила. Она единственная видела и не раз, как папа ебал меня. Уже не называл Люськой, нежно целовал. Как начал во вторую ночь, когда я сама легла к нему в постель, называть Никой, так и продолжает до сих пор.

Пока ещё не сильно пузатая была, часто ездила с ним в рейсы, там мы миловались в кабине. Хорошо было. Особенно летом. Остановимся у реки или озера, голышом покупаемся и соединяемся телами. Поебёмся, покушаем и в спальник. Однажды почувствовала, что хочу ещё. Вот прям зазудело в пизде. «Коль, а я ещё разок хочу!», — говорю ему. «Давай попробуем разбудить нашего мальчика!». — отвечает. Целует в губы, в соски. А хуй не встаёт. Тогда я

опускаюсь к нему и говорю: «Мальчик наш, Ты должен подняться и удовлетворить свою девочку. «, — целую в головку. Он дёрнулся, я ещё разок чмокнула. Он дёрнется, я чмокну. А потом положила толстую головку на язык и прикрыла её губой. Хуй дёргается во рту, наполняется кровью, как и пизда моя. Я постанываю от нового кайфа, сосу соску, двигаю головой. Надавливаю снизу на яйца, помогаю хую влезть глубже. И будто по-настоящему ебусь — пизда шевелит чем-то, будто хуй ласкает. Мне уже не нужен хуй в пизде, он находится в лудшем месте. Коля помогает мне — держит мою голову и двигает с удобной для него щастотой. Кончает мне в рот. А мне осталось всего капельку, я продолжаю сильно сосать, высасываю всю молофью. Сосу до тех пор, пока хуй не становится таким, каким был до нащала.

И вот утром следующего дня, я вижу стояк. Коленька спит. Я повторяю вечернюю науку. Разбудила и облегчила своего мужа.

Полюбила я такую соску. Однажды даже на пустынной трассе сосала, пока Коленька рулил. Я облизываю молофью с губ, а он улыбается. Довольный такой. Я всё готова для него делать. Родной ты мой, потерпи, муженёк.

Дорожный знак «Пункт питания» и под ним второй «Гостиница или мотель», даже машине добавили бодрости. Через каких-то пять километров мы сможем остановиться.

— Вера, до отеля пять кэмэ. — Бужу сестру. — Пап, не спишь? Скоро доедем, родненький. Скоро, потерпи. — Да, папочка, потерпи. Десять минут, и мы уже там. Даже если в мотель не заселимся и, то трястись не будешь.

— Вера ты как хочешь, можешь в кабине спать, но мы с папой должны лечь на нормальную постель.

— Да, Вер, нужно в номере отлежаться. Хотя бы ночь. — Родненький подал голос.

— Я согласна. Самой охота растянуться на нормальной кровати.

— Дорога перестала идти в гору, видимо это и есть равнина. Ура! Коленька, мы победили. Сестрёнка, ты рада?

— Я старше тебя. Значит сестра.

— Подумаешь на полчаса старше.

— Да, и прошу при посторонних, называй меня по имени-отчеству.

— Ох-ох-ох. Вера Николаевна. Назову, не переломлюсь. Смотрите, что там написано.

— Мотель Бейтсов. Во чудики. Надеюсь не Норма и Норман.

— Кто такие?

— Это сериал по телеку идёт. Ужастик и триллер. Этот Норман псих такой, убил отца, любовницу, а мама его, Норма потакает ему. Вообще-то артист красавчик. Всегда чисто и опрятно одет, прилизан. Аккуратно пользуется вилками и ножами.

— Красавчик говоришь? Пап, может сразу обженим их? А то Вере Николаевне замуж невтерпёж. Где тут припарковаться? Ладно, вот сюда. Уберу машину с дороги. Фуф! Первый, пошёл! — Я выпрыгнула из кабины.

Павел

***

Следующие две недели были очень загружены. Электрики меняли проводку согласно техусловиям, выданными пожарным инспектором. Сантехники установили в каждом доме монолитную душкабину западного производителя.

Хоть и началась весна, но копать ямы под септики пришлось мощным экскаватором. Зина

уже жалела, что начала такой проект — финансы вылетали как газетные обрезки от сквозняка.

Мы эти две недели ни разу не занимались сексом — усталость мышц ног, рук и спины мешали заснуть, не то что потрахаться.

Если нанятые рабочие делали заказанную работу, то я выгребал из шкафов и сундуков тряпьё, сортировал его на пригодность для клиентов. Простыни, пододеяльники и наволочки отбраковывались лишь в том случае если были совсем рванные. Годные стирались в машинке, которая работала без перерыва. А остальное я сжигал в печах домов, используя их как топливный материал.

За такой энергичной деятельностью не заметили, как пришёл апрель. Вместе с ним и повестка в военкомат. Пока лишь на медкомиссию.

— Как они могут тебя призвать? Ты ведь пока ещё гражданин Украины! — Мама гневно отшвырнула повестку.

— Похоже план по набору в армию в этом районе горит. Не то не стали бы вызывать иностранного гражданина. Как они вообще прознали что я существую.

— Так мы же оформлены в миграционной полиции как беженцы. Я позвоню Никите. Наверняка у него есть знакомый юрист, который знает тонкости закона.

Мама поговорила с Никитой.

— Я уезжаю к нему. Вероятно, с ночёвкой. Позвоню тебе. Не обижайся, родненький... Ну вот и хорошо. Привести тебе молоденькую шлюшку... ? Ха-ха-ха! Я шучу!

— Зинаида Макаровна, я не могу доверять вашему вкусу. Я должен сам выбрать... молодую блядь. Извини.

— Сынок, блядями делаете нас вы, мужчины! Но философствовать мне некогда.

— Ага. Счастливо, мамуль.

Снег сошёл, вскрылись кучки фекалий у дома деда и тёти Поли. Нужно всё убирать. Потом дело дошло до сортировки старых бумаг и фотографий. Снимки я откладывал в одну коробку, помечая на обороте из какого дома они взяты. Фронтовые письма я тоже отложил как годные документы. Почётные грамоты, вымпелы, полетели в хлам. Но даже после ликвидации не нужного хлама оставалось не мало исторических документов, орденов и медалей. Четыре полных коробки из-под сигарет, отнёс на чердак, где мы договорились складировать нужные вещи, которые будут лучше осмотрены в свободное время. Догадываясь о ценности старообрядческих икон, аккуратно обернул каждую чистыми тряпками, связал стопкой и отнёс туда же.

Пришёл электрик, позвал принимать работу в крайнем доме. Я подписал бланк-наряд. Поблагодарил за отличную работу. Попросил поставить лайк в ОК и Вконтакте, где на своих страничках рассказал о нашей с мамой деятельности.

Отзвонилась любимая, сказала, что у неё всё в порядке. Завтра приедет.

***

Утром опять беготня — привезли биотуалеты. На лето решено поставить их снаружи домов. Показал места куда разгрузить. Принял комплектацию и целостность оборудования. На трёх были вмятины. Конечно вмятины в целом не влияли на функциональность изделия. Но я привык платить за товар без изъяна. Грузчики связали меня с поставщиком. Он выслушал мои претензии, хотел отмазаться, считая меня лохом, но мои аргументы были весомее. Я согласился принять товар со скидкой пятнадцать процентов. Сошлись на десяти.

Вернулась Зинуля. Давно я не видел такую улыбчивую мордашку. Едва ли, не подпрыгивая как пятилетняя девочка, побежала ко мне навстречу.
— Ты не голоден, любимый? Я заехала в ресторан взяла салатов и шашлык. Пойдём перекусим. Сегодня приедет инспектор пожарной охраны.
— Ну судя по твоему выражению лица — я освобождён от службы навечно.
— Ах, да! Я и забыла зачем ездила... У Никиты нашёлся знакомый, у которого есть другой знакомый имеющий отношение к кадрам в военкомате. Сегодня в списки внесут изменения, что ты не годен к строевой службе, по причине недержания мочи.
— Все будут думать, что я ссыкун? Получше ничего не придумали?
— Телесных повреждений на тебе нет, с психикой не нужно светиться, ведь у тебя могут отобрать водительские права. Так что формально ты — ссыкун. И об этом знает совсем мало людей.
— А на следующую комиссию?
— Будем решать проблемы по мере их появления. Пошли кушать.
Пока мы шли к дому, я рассказал о биотуалетах. Она поощрила мою смекалистость поцелуем.
Только сели кушать, как позволили из агентства, поставляющего билборды. Через два часа обещались начать установку.
Суматоха продолжилась — блок к которому будет прикреплён столб, перепутали. Отложили монтаж на другой день. Хорошо хоть инспектор прибыл вовремя и трезвым. Осмотрел все дома, указал на недоделки. Подписал акт, с указанием, что, если через месяц недоделки не будут устранены, отзовёт разрешение. Мы его сразу зауважали, также честно угостили чаем.
После его отъезда принялись убирать старые сараи в ближайших дворах. Хламу в них нашлось не меряно. Самовары, прялки, всё что касается исторической ценности — на чердак. Металлолом складируем во дворе крайнего дома. Опять плетёмся с отнимающимися конечностями в дом, ужинаем и засыпаем.
— Мам, может сегодня перерыв устроим? Баньку натопим? — Я проснулся от взгляда мамы на себя.
— Да, Пашенька, давай отдохнём. Поспи если хочешь, я завтрак приготовлю. Ах, ты ж хулиган! — Зина увидела эрекцию. — Хотел от меня скрыть? Кого уже ждёшь? Молодую?
— Зиночка, тебя жду, ты самая молодая. — Твержу я ей, наслаждаясь соло на одной струне. Воздержание ускоряет мой оргазм. Любовница глотает эякулят, чмокает меня в губы.
— Спи, я быстро. — Потягивается, смотря на меня через плечо.
— Ты всегда так потягивалась? С детства?
— Ага. Даже не помню, когда начала. Эротично?
— Спрашиваешь! О! Эти черти решили с утра пораньше начать!
Я надеваю брюки, сапоги. Сверху старое пальто. Монтажники снова переспрашивают место установки билборда. Успеваем позавтракать, как первый билборд установили. Отъезжаем на машине полкилометра. Установка понравилась. Пока мы ездили принимать, монтажники уже уложили блок для второго щита.
Приехала инспектор санитарной службы. Мама повела её показывать дома, а меня заставила помыться и надеть что-нибудь получше, чем рванное пальто и грязные брюки. Привычку одеваться по-модному, привила Зинуля. Это здесь я расслабился — хожу как бомж. К возвращению женщин я уже привёл себя в порядок. Теперь получше рассмотрел Валентину Ивановну. Да, не красавица, но и не уродина. Лет двадцать назад возможно имела успех среди

поклонников. Тело, как и говорила Зина, имело большой живот, стянутый юбкой из плотного материала, из-под которой вырисовывался целлюлит на бёдрах и под блузкой в районе широкого лифчика. Тело сидело в нашем доме, пило чай со сладостями и перечисляла недостатки нашей работы. Водитель, который привёз Валентину, устал сидеть с нами за столом, пошёл бродить по хутору. Зина предложила попробовать коньяк, который ей передали друзья из Армении.

Инспектор легко согласилась определить настоящий это напиток или закрашенный самогон. Мама также повторила за ней действия — понюхала, посмотрела на стенки сосуда. Пригубила. Весь бокал пригубливала женщина. Не разобрала. Сказала, что чувствуются какие-то нотки. Примесь ли это, можно будет разобрать сдав в их лабораторию на анализы.

Зина ответила, что бутылка единственная и напиток ей понравился. Даже если это подделка, то хорошая. От её предложения выпить ещё по бокалу, Валентина не отказалась. И от третьего не отказалась.

— Молодой человек, а вы смогли бы отличить настоящее качество от крашенного китча? — Хм. Даже так? Она недвусмысленно намекнула что её тело эталон, а другие женщины всего лишь разукрашенные куклы.

— Мадемуазель, сегодня так трудно отыскать перлы среди гальки на берегу. Я рад, что такая жемчужина находится в столь прекрасной раковине. — Я принял её игру. Зина подлила даме в бокал, сказала, что сейчас вернётся, только посмотрит, как там установка щита.

— Я тоже рада, даже можно сказать счастлива, что на моём пути появилась новая звезда. Вы мне напомнили моего... знакомого. Тогда я уже блистала, а он, ослеплённый мною, говорил милые пошлости... Да-а-а-а. Да, молодой человек, мне приятны милые пошлости.

Я посмотрел на камеру, скрытую за иконой. Да, я молился! Я просил своё тело не опростоволоситься, так как очень не хотелось лизать потную и жирную промежность старой женщины.

— Я представляю, как трепетал его орган при виде вас, уважаемая обладательница яркого ума. Надеюсь вы не обделили беднягу... ? Бедняга, потому что он глупый, ошибался, если упустил такую прелестницу. Так вы позволили ему шептать в ваши ушки о прелести вашей стати?

— Да, я ему многое позволила. И он действительно нищ душой... , получив своё, пресытился сиюминутным... , а я зрела. Он потом приходил, просил прощения. Ах, ну его к псам. Чтобы вы мне нашептали, как вы говорите на ушко?

— Вы позволите пригласить вас присесть на диван?

Тело поднялось, поправило подол юбки. Пересело на диван.

— Ах, мадемуазель, простите мою неопытность. Я слабоват в отношении контактов со зрелыми женщинами, к которым я отношу и вас. Хотя я имею опыт общения со своими сверстницами, но их угловатость, жеманность, отталкивают меня. А вы навели меня на мысль, что возможно мне стоит выбрать более компетентную женщину. Компетентную, я имею ввиду, в вопросах отношении полов. Мне стыдно спросить маму о вас, зрелых женщинах. Что вам нравится в молодых людях?

— Благодарю за искренность. В молодых... мужчинах, я имею ввиду, я ценю напористость, энергичность. Давайте порепетируем. Поцелуйте мою руку.

«Пальцы перед тем как сесть за стол — мыла. Ну-с, помолясь, приступим. Это рука Зины. Какая же она у Зинули бархатная, какие нежные у неё пальчики, как эффектно они

охватывают мой член. М-м-м-м. Зиночка, родная моя, поиграй же на моём стволе язычком. Я покрываю поцелуями твою руку, плечико. А вот и ложбинка ключицы. А вот и ушко с короткой мочкой. Зиночка, слушай!».

— Сеньорита, от вас исходит столько флюидов, что я едва дышу, скрывая сердцебиение. Вы же слышите, как клокочет моё сердце в горле! Не карайте меня за это...

Я не дал ей задать вопрос, втянул сухие губы в свой рот. До боли засосал. А рукой, направил её ладонь на свой восставший (Слава, тебе Всевышний!) пенис. Пару раз двинул тазом изображая фрикции.

Чих-пых. Чих-пых. С третьего пинка станок заработал. Появились звуки. Стоны. Шевеление конечностей дошло до поглаживания моих волос на голове и сжатие пениса. Станок ещё больше оживился от контакта моей руки с чем-то, пока спрятанным под широким бюстгальтером.

Теперь все точки расставлены. Она хочет секса. Я тоже хочу. Хотя и не стремлюсь, как стремился к Зине.

Моя левая длань залезла под юбку. Чулки! А вот и подтяжки к ним. Чёрт! Ей нужно привстать, чтобы я мог, не разрывая юбку, долезть до промежности...

— Что здесь происходит? — Мама рОдная! Да, мама роднАя прерывает моё стремление заполнить влагалище похотливой старушонки спермой. — Валентина Ивановна... ! Простите меня, уважаемая. С этой работой, я забыла, что вы остались с моим НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ сыном наедине. Как мне СТЫДНО! Как СТЫДНО! А тебе ПОХОТЛИВАЯ свинья, — Зина больно отвешивает мне тумак, — тоже СТЫДНО? Марш с глаз моих долой! Ох! Горе мне с этим сыном. Валентина Ивановна, дайте сюда список с вашими замечаниями, я немедленно пойду устранять их.

— Да они в сущности легкоустранимые. Чтобы больше сюда не ездить, я подпишу разрешения на оказание услуг клиентам.

Из-за занавески я вижу, как Валентина поставила росписи в бланках, отметила в своём протоколе о визите, попросила маму также расписаться в нём.

Мы выходим на улицу, провожаем отъезжающую «Волгу» санэпидстанции.

— Зиночка! ТЫ УМНИЦА! — Вскрикиваю я. Хватаю её за руку. Тащу в дом. Пока раздеваю, успеваю выслушать ответ на свой вопрос: — Когда ты додумалась до такого финала?

— Да, я у тебя умница! И задумала уже давно. Не хватало ещё, чтобы мой, сынок, мой страстный любовник, ломал свою психику ради подписи какой-то озабоченной старушки. Ах, Пашенька, любимый мой, ты мой самый нежный и страстный любовник! Долби... ! Чаще! Ещё!

Я таранил влагалище своей любовницы с самой возможной частотой. Все органы издавали какой-нибудь звук. Из горла Зиночки исходили хриплые стоны, моя мошонка, на одной частоте с тазом, билась о прелестную попку, которая в унисон с влагалищем, пукала. Пружины дивана клацали металлом, обивка скрипела. «О-о-ох!», — издала Зинуля, окольцевав мою задницу ногами, в тот момент, когда мой лингам начал наполнять родную вагину спермой.

Мы ещё ощущали подёргивания наших гениталий, как на улице послышался скрип тормозных колодок.

— Норман! Я разрешаю начать отстрел! — Зине нужно как минимум полчаса, чтобы успокоить тело после коитуса.

— Я согласен с тобой, Норма! Крайне опрометчиво мешать нам отдыхать. Лежи пока, возможно они только спросят о пустяке. — Чмокнув свою любимую, начал одеваться.

Мужчинам в этом вопросе легче. В смысле успокоить организм. Видимо природа так задумала, чтобы самец мог охранять самку с полным ЕГО семенем влагалищем от других самцов.

Путники уже покинули транспорт — длинномер с тягачом «Вольво», номера сибирского региона. Знак международных перевозок зачёркнут. Так теперь существа, высадившиеся на мой берег. Судя по длинным волосам это скорее всего самки. Да, самки. Первичный половой признак — груди, особенно выражены у той, которая стоит у водительской двери. Но говорить начинает та, которую я сомневался отнести к какому-либо полу. Что ж. Два признака говорят, что со мной общается девушка. И с довольно симпатичной мордашкой.

— Здравствуйте! А где мотель? — Ни дружественной улыбки, ни перламутровых бус в подарок.

— Здравствуйте, дамы. Позвольте проявить наглость и сказать, что вы уже на территории мотеля.

— А где номера? — Водитель... ница всё-таки улыбнулась, за одно показав зубы. Голос грубее, и этим привлекательней — не люблю писклявые голоса.

— Вот это и есть номера. — Я указующим жестом провёл из стороны в сторону. — Вам с каким количеством кроватей?

— Нас трое. Папа ещё в спальнике. Пап, ты сможешь сам вылезти? — Писклявый крик ещё несколько секунд бился в моих ушах о стенки.

— Как он вылезет? Сама же видела, как он туда последний раз залезал. Па, я помогу. — Определённо эта пухленькая сестра пискли мне нравится. Она скрылась в кабине. Через лобовое стекло я увидел оттопыренную задницу девушки. Что-то она мне напоминает. Ах, да! Зинулину попочку. Я подошёл к двери. Помочь. Я же не извращенец, чтобы озирать фигуру дамы, когда она помогает больному отцу. Но информация, поступающая через органы зрения, всё равно обработалась процессором. Да! Груди у неё определённо на размерчик-другой больше Зининых. Её шею охватила мужская рука, девушка тянет его из спальника, помогает перекладывать ноги. Получилось логично — он сидит на водительском кресле. Ей нужно выбираться через пассажирскую дверь. Подходит ко мне. Вдвоём мы принимаем вес мужчины на себя.

Явное страдание искажает лицо мужчины, но он не стонет, лишь иногда кряхтит выдыхая из сжатых мышцами лёгких, воздух.

— Ему нужно опять прилечь. Куда?

— Вот в ближайший дом. Там тепло и кроватей три. Меня Павлом звать.

— Я Ника. Сестру зовут Вера. Папу Николаем... Фомичом. Верка! Тащи барахло сюда.

Мы доводим Фомича до дома, протискиваемся сквозь двери. Мужчина также покряхтывает, временами что-то говорит. Нас догоняет моя нимфа.

— Паша, пока его на эту кровать. Я накидку уберу. Вот так. Мужчина, лежите. — Мама пытается руководить. Но мы уже сблизились с Никой, действуем синхронно. Снимаем обувь с ног Николая, ложем их на кровать. — Позвоночник? Простудил?

— И простуда и поднятие тяжести. — Пискля заносит два баула со своим скарбом. — Меня звать Вера Николаевна. С кем я могу обсудить финансовые вопросы?

— Я, Зинаида Макаровна. Вы можете выслушать наши предложения от меня. Пройдёмте в

наш дом, так называемую контору. Паша, покажи девушке где тут что.
— Деловая! Вера Николаевна. К тебе то можно по-простому? — Ника опять улыбнулась.
— Конечно, Ника. Вот тут душ, правда вода ещё не согрета. Часа через три будет готова. Печь подтапливать моя обязанность. Готовить можно на ней, и только на ней — нагревательные приборы запрещены. Необходимая для спартанской жизни посуда, вот в столе... Туалет во дворе. Пользовалась биотуалетом... ? Ну вот и отлично.
— А банька у вас есть? Папе нужно прогреть поясницу.
— Только в нашем дворе. Но ради такого случая я её немедленно растоплю. Ах, да! В доме не курить!
— Хорошо, Паш, не буду. И папе не разрешу.
— Николай Фомич, вам повезло с дочерью... , с Никой. Замечательная девушка.
— Спасибо, сынок. А Вера значит плохая?
— Если не можешь сказать о человеке приятное — нужно промолчать.
— Пап, ты поспи, пока. Я разберу вещи. Паша, пока...
Намёк мне понятен. Дрова уже в печи бани, только чиркнуть спичкой. Через час начнёт припекать.
— Правильно